

Глава 11

Афразийская зона нестабильности и анализ глобальных дестабилизационных рисков в свете теории длинных волн

А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина

Показано, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход к качественно новому состоянию глобальной протестной активности. При этом он чем-то напоминает фазовый переход начала 1960-х. Первый (после 1919 г.) фазовый переход такого рода произошел в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. Фазовый переход начала 2010-х гг. был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий происходило в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Все мы не могли не заметить, что в 2011 г. в мире вообще (а в Афразийской зоне нестабильности¹ в особенности) с социально-политической точки зрения происходило нечто необычное. События Арабской весны и протестных волн за пределами Арабского мира привлекли значительное внимание исследователей. В целом в литературе, посвященной событиям Арабской весны и их влиянию на последующую динамику нестабильности в различных регионах мира, можно выделить несколько важных направлений. Одним из них выступают попытки создания прогностических моделей и переосмысления существующей революционной теории с учетом новых реалий.

Так, в 2011 г. Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев выдвинули предположение, согласно которому события конца 2010 и начала 2011 г. в арабских странах можно рассматривать в качестве начала глобальной реконфигурации Мир-Системы (Grinin, Korotayev 2011; см. также: Гринин 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016). Развивая свое предположение, авторы приходят к выводу, что асинхронность развития различных функциональных подсистем мировой системы является причиной синхронности значительных политических изменений. То есть, по их мне-

¹ Об Афразийской зоне нестабильности см., например: Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Korotayev *et al.* 2016.

нию, в процессе глобализации политические преобразования, как правило, отстают от экономических. Однако подобное отставание не может нарастать бесконечно; в конечном счете оно преодолимо, но это сложный процесс. В числе основных векторов реконфигурации мировой системы выступают ослабление прежнего ядра Мир-Системы (Соединенные Штаты и Запад) и одновременное укрепление позиций ряда периферийных стран (а также общий рост влияния развивающихся стран в мировой экономике и политике) (Grinin, Korotayev 2012; см. также: Grinin, Korotayev 2015).

Дж. Ланг и Х. де Стерк предлагают простую модель динамики революций в диктаторских режимах, использующих цензуру и полицейские репрессии. В контексте Арабской весны модель применяется для объяснения причин волнений в арабских странах, а также роли Интернета и новых медиа и, как следствие, снижения эффективности цензуры. Однако релевантность модели определяется также ее применимостью к анализу политической ситуации в других регионах с режимами, использующими цензуру и полицейские репрессии – к примеру, в Иране, Китае или Сомали (Lang, Sterck 2014).

Известный американский социолог и исследователь революций Дж. Голдстоун для описания состояния обществ и революционных процессов обращается к понятию равновесия – устойчивого и неустойчивого. При этом он выделяет пять необходимых и достаточных условий для формирования состояния неустойчивого равновесия:

- проблемы в экономической и фискальной сферах;
- растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит;
- революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью;
- идеология, убедительный повод и нарратив сопротивления;
- благоприятная международная обстановка.

Через призму указанных выше условий Голдстоун рассматривает революции начиная с эпохи Ренессанса и Реформации и заканчивая арабскими волнениями 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии (Goldstone 2014). В отношении последних он отмечает, что восстания на Ближнем Востоке не были никем предсказаны, подчеркивая, что степень слабости верховного правителя зачастую можно наблюдать только в ретроспективе. Успешность революции в концепции Голдстоуна определяется наличием следующих условий: правительство рассматривается как угроза будущему страны, элиты (в том числе военные) не стремятся защищать государство, мобилизуется высокорепрезентативный сегмент общества, а международные силы либо отказываются защищать правительство, либо вмешиваются в конфликт на стороне революционеров (*Ibid.*).

К. Бек утверждает, что Арабская весна стала неожиданным событием не только потому, что предсказание революций – непростая задача, но также и потому, что современные теории революции не располагают достаточным инструментарием для объяснения волн революции в тех случаях, когда причинные механизмы варьируются в зависимости от уровня анализа. Для решения этой проблемы Бек предлагает метаоснову революционной теории, сочетающей в себе несколько уровней и измерений анализа, а также учет их взаимодействий. Структурированный пример дизайна исследования с использованием методики качественного сравнительного анализа охватывает 16 стран Ближнего Востока и Северной Африки и позволяет выделить субнациональные условия мобилизации в контексте событий Арабской весны, внутригосударственные причины револю-

ций, транснациональные факторы, в том числе связи той или иной страны с мировым сообществом (Beck 2014). Таким образом, автор предлагает теорию, в которой подчеркивается рост значимости мировых культурных сценариев, моделей и практик, их влияние на государства, а также субнациональные условия для мобилизации.

Р. В. Грин и К. Д. Кусва выдвигают идею создания риторической картографии «региональных акцентов», чтобы продемонстрировать, как те или иные регионы включаются или исключаются из карты власти. Они утверждают, что риторическое перемещение протестов из одного места в другое, выраженное Арабской весной и движением «Occupy Wall Street», формирует горизонтальный региональный акцент, который, образно говоря, «складывает» протестные регионы друг в друга, как в папку, подпитывая таким образом возникновение новых локусов протеста (Greene, Kuswa 2012). Возникновение политически субъективного протестующего происходит в местах регионального сгиба, так как именно они создают и отменяют карты власти.

Ф. Волпи отмечает, что при анализе Арабской весны достаточно сложно уйти от структурных объяснительных моделей, которые продолжают доминировать в науке до сегодняшнего дня (Volpi 2014). Так, большинство исследований, как правило, изобилуют описанием социальных, экономических и политических структур, так или иначе ставших причиной восстаний. К примеру, Дж. Гудвин говорит о кризисе авторитаризма как непосредственной причине протестов в арабских странах (Goodwin 2011). В этой связи Волпи с некоторым сожалением подчеркивает, что большая часть дискуссий об Арабской весне сводится к обсуждению тех характеристик государств и режимов, которые сформировали предпосылки для революционного восстания, и тех, которые, напротив, ему не способствовали.

Группа российских исследователей во главе с С. Ю. Малковым предприняла попытку количественного анализа событий Арабской весны и разработки специализированного индекса для оценки текущего состояния и прогноза уровня социальной нестабильности в странах Арабского мира (см.: Малков и др. 2013; Korotayev *et al.* 2013; Korotayev *et al.* 2014). Основываясь на разведочном анализе данных, они выявили ряд факторов социально-политической нестабильности, ставших общими для всех стран Арабского мира: переходный характер политического режима, наличие внутриэлитного конфликта, неэффективность инструментов передачи власти, наличие внутренней конфликтогенности, наличие «горючего материала», выгорание «горючего материала», участие исламистов в политическом процессе, кризис не оправдавшихся ожиданий от модернизации и наличие привлекательной альтернативы. В результате ученым удалось сформировать комплексный индекс, учитывающий наиболее значимые факторы социально-политической нестабильности, вычисляемый на основе статистических данных и экспертных оценок, позволяющий оценивать потенциал социальной нестабильности и ее возможный масштаб.

Обширный блок исследований посвящен влиянию событий Арабской весны на стабильность стран Арабского мира, Афразийской зоны нестабильности, соседних по отношению к ней регионов и мира в целом. Так, к примеру, Н. Данжибо говорит о том, что протесты в Арабском мире, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, вылились в конечном счете в период политической неопределенности в пострадавших странах и создали условия политической нестабильности в странах Сахеля и субсахарной Африки. Неустой-

чивость государств Африки с недостаточным уровнем государственного управления, в свою очередь, создали платформу для проникновения негосударственных вооруженных акторов в этот регион (Danjibo 2013).

Т. Маттизен отмечает, что с 2011 г. в Саудовской Аравии наблюдалось наиболее масштабное и длительное протестное движение за всю современную историю этой страны. В статье «Саудовская весна, шиитское протестное движение в Восточной провинции 2011–2012» (Matthiesen 2012) автор размышляет о том, как небольшие волнения, вдохновленные Арабской весной и чувством солидарности с протестующими в соседнем Бахрейне, превратились в устойчивое молодежное протестное движение с конкретными требованиями и характеристиками. Возникновение этого движения на локальном уровне оказало влияние на политическую и социальную динамику шиитского сообщества в Саудовской Аравии. Одним из выводов, к которым приходит Маттизен, стало то, что хотя новые медиа выступают как хорошие организационные инструменты протеста, личные сети – полуавтономная общественная сфера – и истории, повествующие о подвизной деятельности, существенно способствовали развитию движения.

Можно также выделить ряд исследований, посвященных сравнению событий Арабской весны с другими революционными периодами, наблюдавшимися в Ближневосточном и других регионах с целью лучшего понимания причин, движущих сил и возможных последствий нынешнего кризиса (см., например: Гринин 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016: гл. 7). А. Уилсон, Б. Хестерей предлагают ретроспективное видение проблемы, отталкиваясь от предпосылок, приведших к протестной волне Арабской весны. В первом случае обращается внимание на скрытые факторы, которые определяют проблемное поле Арабской весны (Wilson 2013). К примеру, на спорной территории Западной Сахары, частично аннексированной Марокко в 1975 г., в октябре – ноябре 2010 г. произошло беспрецедентное восстание, которое предшествовало протестам в Тунисе – первым из череды Арабской весны. Однако восстание в Западной Сахаре зачастую упускается из виду при анализе событий Арабской весны. Скрытые факторы, таким образом, помогают выявить подобные малоизвестные сходства и в конечном счете изучить сам протест. Б. Хестерей же в качестве политической аналогии протестов в арабских странах рассматривает прошлое Индонезии (Hoesterey 2013), отмечая, что здесь на протяжении продолжительного периода перехода от авторитарного к демократическому режиму наблюдались схожие условия, в том числе коррупция, nepotизм, а также правление военных, осуществляемое в течение многих лет в атмосфере безнаказанности.

А. Эрдоган проводит аналогии между событиями на Ближнем Востоке, в Северной Африке и падением коммунистических режимов в Восточной Европе. Автор, следуя концепции третьей волны демократизации С. Хантингтона, выделяет ряд сходств между этими процессами: снижение легитимности авторитарных режимов, недостаток экономического развития и начало экономического кризиса, демонстрационные эффекты, новая политика внешних акторов и т. п. Арабские режимы, ставшие объектом антиправительственных выступлений, на протяжении десятилетий авторитарного правления демонстрировали фактическую монополию власти, также в обоих случаях наблюдалось ухудшение экономических условий и рост социально-экономического недовольства. Однако, в отличие от коммунистических режимов, катализаторами арабских восстаний стали такие факторы, как высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, а также внутреннее и

региональное социальное неравенство (Erdogan 2013; о причинах Арабской весны см. также статьи в: Коротаев, Ходунов 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

К. Уэйленд также предлагает провести параллели между Арабской весной 2011 г. и «революциями» 1848 г., так как обе эти протестные волны охватили целые регионы с рекордной скоростью, однако увенчались весьма ограниченными успехами в направлении политической либерализации и демократизации (Weyland 2012). Опираясь на анализ событий 1848 г., автор приходит к выводу, что протестующие в арабских странах были значительно воодушевлены падением режима в Тунисе и переоценили его значимость, решив, что могут с такой же легкостью избавиться от диктаторов в своих странах. Арабские общества были слабоорганизованными и находились под давлением со стороны властей, что в условиях отсутствия авторитетных лидеров, на которых могли бы ориентироваться простые люди, вызвало ощутимое ухудшение ситуации (сравнение Арабской весны с событиями 1848 г., а также 1960, 1989 гг. и некоторыми другими см.: Гринин 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

М. Гунтер обращает свое внимание на так называемую «курдскую весну» – ситуацию в Турции, Ираке и Сирии, характеризующуюся формированием демократических требований, в том числе касающихся немедленной реализации культурных, социальных и политических прав (Gunter 2013). Так, в Турции просчеты правительства во многом обусловили курдское возрождение, в Ираке обсуждаются возможности провозглашения независимости Регионального правительства Курдистана. Что касается Сирии, то в этом случае основным фактором «курдской весны» становится подъем «Демократического союза».

Влияние арабского кризиса на международное распределение политических сил и стратегии взаимодействия между государствами рассматривает в своей статье, посвященной иранской внешней политике, и Б. Синкая (Sinkaya 2015), отмечая, что Иран долгое время был не в состоянии выработать последовательную стратегию взаимодействия с ближневосточными странами из-за последствий Арабской весны и постоянно возникающих новых событий. Первоначальный оптимизм иранского руководства относительно потрясений в Арабском мире уступил место осторожности и беспокойству, связанному с новыми вызовами региональной политике этой страны. Таким образом, новый курс Ирана отличается умеренностью и основан на конструктивном взаимодействии.

В. Ча и Н. Андерсон попытались посмотреть на северокорейскую политическую действительность через призму событий Арабской весны с целью выявления возможности повторения ближневосточного сценария в этой стране. В результате исследователи выделили пять потенциальных переменных, которые могли бы привести к повторению событий Арабской весны в Северной Корее: социально-экономическое развитие, темпы экономического роста (растущие ожидания), демографические факторы (количество молодых людей), распространение информации и тип режима (Cha, Anderson 2012). Применительно к Северной Корее авторы отмечают фактическое отсутствие признаков модернизации по сравнению с 1990 г., заметных темпов экономического роста, новых массмедиа и т. п., однако подчеркивают, что здесь имеются две важные предпосылки Арабской весны – относительно молодое и грамотное население. Но и в этом случае оно не стало потенциально опасным для правительства фактором, потому что в коммунистической экономике фактически отсутствует безработица. Таким образом, двумя возможными источниками проявления недовольства по сценарию Арабской весны в Северной Корее может стать «селекторат» – партийные деятели,

офицеры и чиновники, кооптированные правительством и оказывающие ему поддержку, – и городская беднота.

Стоит выделить также исследования, касающиеся международного контекста арабских восстаний и условий синхронизации протестных действий, с особым акцентом на глобализирующийся характер современного мира.

Факторы синхронизации событий Арабской весны в собственно арабском мире были рассмотрены в целом ряде работ отечественных исследователей, выделивших следующие моменты: 1) высокий уровень синхронности процессов модернизации в большинстве арабских стран, в том числе синхронное резкое падение младенческой и детской смертности в 1970–1980-е гг., что на фоне массивной экспансии высшего образования привело в 2000-е гг. к синхронному взрывообразному росту численности молодежи вообще и высокообразованной молодежи в особенности в большинстве арабских стран; 2) синхронизирующее действие второй волны агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г.; 3) синхронизирующую роль общеарабских спутниковых каналов; 4) синхронизирующую роль общеарабского Интернета (Гринин 2012; Цирель 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Grinin 2013; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev *et al.* 2011].

Е. Беллин утверждает, что события Арабской весны обусловили необходимость переосмысления логики авторитарной устойчивости в Арабском мире. С одной стороны, очевидно, что репрессивные действия государственного аппарата имеют решающее значение при определении долговечности авторитарных режимов, но в то же время Арабская весна продемонстрировала возникновение обширного межклассового протеста, направленного на политические изменения, а также появление фактора, способствовавшего материализации этого явления – распространения социальных медиа. Последнее, по мнению исследовательницы, очевидным образом изменит правила игры для авторитарных режимов по всему миру (Bellin 2012).

Э. Мур при анализе событий Арабской весны и попытке прогнозирования будущего этого региона в целом обращается к процессам глобализации, отмечая, что ее принципы содействуют распространению демократии западного образца, в то время как ближневосточные представления о демократии не обязательно включают в себя те же системы и структуры. Таким образом, требования большего демократического представительства, высказываемые в ходе событий Арабской весны, едва ли можно считать региональным ответом на процессы глобализации (Moore 2012). По мнению Мура, преждевременно говорить о перспективах долгосрочного развития региона, однако очевидно то, что любые демократические преобразования здесь будут инициированы изнутри, а не экспортированы, поскольку налицо несовместимость стран Ближнего Востока с западными демократическими концепциями (Roy 2012).

Глобальный характер протестных настроений в мире, связанный с событиями в арабских странах, нашел свое отражение в статье Ч. Курцмана, где предлагается альтернативное видение причинности протестов в современном мире и подчеркивается, что перцепции участников и протестный потенциал распределяются между протестующими – как внутри конкретной политической системы, так и на международном уровне – и не могут быть идентифицированы заранее. Арабские восстания в этом случае служат хорошей иллюстрацией гипотезы о том, что люди

способны создавать свои собственные политические возможности, а не реагировать на уже существующие структурные предпосылки (Kurzman 2012).

Новаторскую концепцию анализа событий Арабской весны в международном контексте выдвигает С. Н. Литсас. Он отталкивается от философской концепции древнегреческого основателя исторической науки и школы политического реализма Фукидида, который выдвинул понятие стасиса (смуты, раздора), основанного на борьбе различных группировок в полисе (Ковельман, Гершович 2015). Так, Пелопоннесская война рассматривается им в качестве стасиса или гражданской войны, которая привела к застою и во многом обусловила вырождение эллинской цивилизации (Price 2001). Литсас рассматривает восстания Арабской весны как стасис, подчеркивая международный характер этого процесса, который может перерасти в крупномасштабный кризис для соседних политических систем (Litsas 2013). Стасис является насильственным политическим событием, тщательно спланированным заранее либо возникшим спонтанно под давлением сложившихся обстоятельств, приводящим к ожесточенным столкновениям между сторонниками действующего режима и его противниками. Из-за своей насильственной природы стасис, как правило, происходит в недемократических обществах и создает благоприятную почву для радикального изменения жизненных условий угнетенных слоев общества. Литсас приходит к выводу, что Арабская весна стала переходной фазой для Арабского мира в направлении панисламской парадигмы. Этот переход способен провоцировать значительную политическую нестабильность во всем мире, открывая жизненное пространство для различных оппортунистических и ревизионистских исламских факторов.

Однако, как нам представляется, оценить истинный масштаб необычности событий Арабской весны и ее глобального эха все-таки вряд ли возможно без привлечения количественных эмпирических данных. Лучше понять мировой масштаб этих событий поможет нижеследующий график (см. Рис. 11.1).

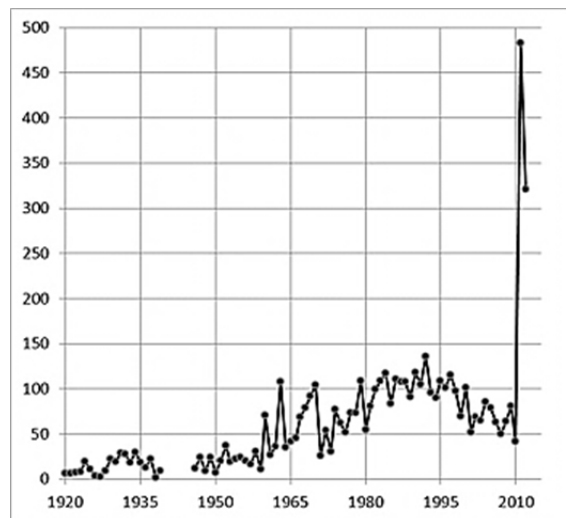


Рис. 11.1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS² (1920–2012 гг.)

Источник: CNTS 2015.

² Cross-National Time Series Database.

При этом бóльшая часть действительно необычного всплеска протестной активности 2011 г. приходится именно на Ближний и Средний Восток (и в особенности, естественно, арабские страны), но и в остальном мире (под прямым влиянием Арабской весны) произошел совершенно нетривиальный подъем протестной активности (достаточно здесь вспомнить многочисленные движения “*Occupy...*” – от *Occupy Wall Street* до *Occupy Abay*) (см. Рис. 11.2).

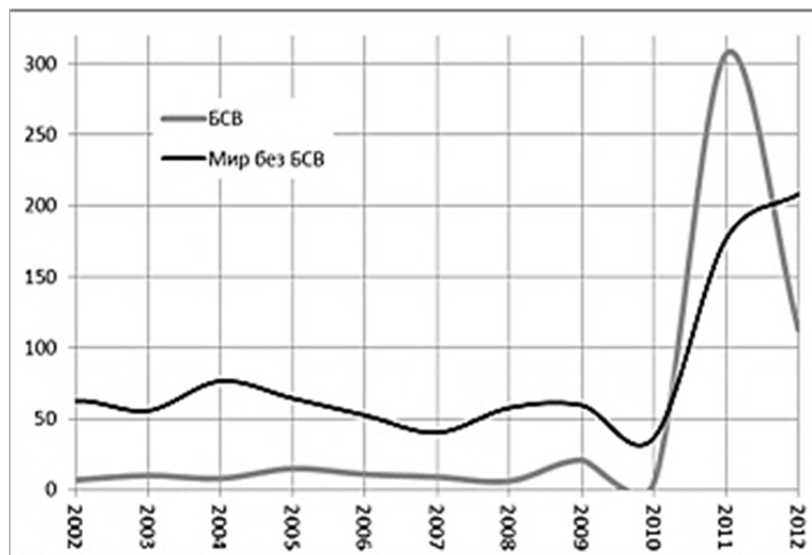


Рис. 11.2. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных на Ближнем и Среднем Востоке и в остальном мире за год в базе данных CNTS (1920–2012 гг.)

Источник: CNTS 2015.

Как мы видим, на Ближнем и Среднем Востоке в 2011 г. наблюдался совершенно невероятный (на два порядка³!) рост уровня протестной активности, но и в остальном мире этот рост был в 2011–2012 гг. хоть и не столь масштабным, но тоже совершенно нетривиальным – там уровень протестной активности вырос почти на порядок⁴.

Имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние (обозначим его как *фазовый переход В*). При этом данный фазовый переход чем-то напоминает аналогичный начала 1960-х гг. (обозначим его как *фазовый переход А*).

На Рис. 11.1 этот фазовый переход А забивается масштабом фазового перехода В. Поэтому для того чтобы лучше его рассмотреть, имеет смысл представить этот график в логарифмическом масштабе (см. Рис. 11.3).

³ Если в 2010 г. CNTS зафиксировала на Ближнем и Среднем Востоке только 5 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2011 г. их число выросло до 307.

⁴ Если в 2010 г. CNTS зафиксировала в остальных странах мира 37 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2012 г. их число увеличилось до 208.



Рис. 11.3. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS (1920–2012 гг.), логарифмический масштаб

Первый (после 1919 г.) фазовый переход произошел в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. Так, послевоенный период (в частности, 1950-е гг.) ознаменовался рядом существенных трансформаций в сфере производства, распространения и восприятия информации. Так, в этот период обозначилась тенденция к развитию индустрии персональных компьютеров: в 1947 г. был изобретен биполярный транзистор, а к 1955 г. транзисторы заменили вакуумные трубки в компьютерных конструкциях, что означало появление «второго поколения» компьютеров. Транзисторы обладали целым рядом преимуществ по сравнению с вакуумными трубками: они были меньше по размеру, требовали меньше энергии, выделяли меньше тепла, были более надежными и срок их службы был дольше (см., например: Lavington 1998).

Важные изменения коснулись и радиовещания. В 1954 г. компания Regency представила карманный транзисторный радиоприемник, TR-1, питание которого осуществлялось от стандартной батарейки, а в 1955 г. новоиспеченная компания Sony представила свой первый транзисторный радиоприемник – прочный и достаточно компактный, чтобы поместиться в кармане (Transistor... 1999). Профессор Школы журналистики и медиаисследований Н. Арсено, размышляя о коммуникативности портативных средств связи, выделяет концепт взаимодействия

между людьми и понятие включения, вовлечения. Он полагает, что к транзисторным приемникам может быть применено понятие индивидуальности, что означает возможность персонализации устройства и его модификации в соответствии с пожеланиями пользователя. Что касается связи между мобильным оборудованием и коммуникационной инфраструктурой, то в случае с портативными радиоприемниками это выразилось в их возможности принимать сигналы с удаленных вышек и таким образом объединять пользователей различных местностей, удаленных друг от друга географически (Arceneaux 2014). Кроме того, радиоприемники предыдущей конфигурации в большинстве своем являлись стационарными объектами, располагавшимися в жилых помещениях или общественных местах, где их использование не могло остаться незамеченным. Портативные же устройства, позволяющие любому пользователю слушать то, что он хочет, в этом случае выглядели как бунт против представителей власти, привыкших контролировать традиционные каналы информации, выход из-под их контроля и отрицание их главенствующей роли в этих процессах.

И хотя глобальная информационная связанность нарастала в течение 1950-х гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. Если до фазового перехода А CNTS фиксирует по 20–30 крупных антиправительственных демонстраций в год, то в начале 1960-х гг. этот уровень достигает сотни.

Затем в 1964–1966 гг. (но особенно после пика конца 1960-х – в 1971–1973 гг.) следует ощутимый спад; однако к 1980-м гг. тот уровень глобальной протестной активности, который в начале 1960-х гг. казался аномальным, становится уже вполне нормальным.

В последние 20 лет накануне Арабской весны наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х. Но даже в 2010 г. она была выше, чем все, что было зафиксировано в CNTS до 1960 г.

Фазовый переход В был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, «Твиттер», мобильная телефония, социальные сети и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Отметим, что, по наблюдению А. С. Малкова, технологически обусловленная динамика протестной активности в ходе предыдущего фазового перехода в чем-то напоминает динамику экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера⁵ (см. Рис. 11.4).

⁵ *Gartner's Hype Cycle*. Отметим, что имеющиеся в настоящее время в русскоязычной литературе обозначения этого цикла («цикл зрелости технологий», «цикл ажиотажа», «цикл шумихи», «цикл общественного интереса к технологиям», «цикл ожиданий от технологии», «цикл признания технологии») представляют не вполне удачными, и мы предпочитаем пользоваться транслитерацией данного понятия.



Рис. 11.4. Стилизованная графическая репрезентация динамики экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера

Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/94/Gartner_Hype_Cycle.svg.

Если эта гипотеза верна, то сейчас мы находимся во второй фазе этого цикла, в ходе которой наблюдается значительный спад протестной активности; однако за этим с высокой долей вероятности последует новая (не столь драматичная) фаза нарастания данной активности, после чего ее интенсивность стабилизируется, скорее всего, хотя и ниже пиковых значений 2011 г., но и заметно выше уровня первой декады этого века.

Библиография

- Гринин Л. Е. 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Ковельман А. Б., Гершович У. 2015. Война и мир в Талмуде: событие и его смысл. Ч. 2. *Вопросы философии* 8: 144–158.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16; 7: 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014. Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и математика* 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-

- политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–386. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 28–76.
- Малков С. Ю., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–163.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна инфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 463–507.
- Цирель С. В. 2012.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 128–161.
- Arceneaux N. 2014.** Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio. *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York, Routledge.
- Beck C. 2014.** Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society* 43(2): 197–223.
- Bellin E. 2012.** Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. *Comparative Politics* 44(2): 127–149.
- Cha V., Anderson D. 2012.** A North Korean Spring? *The Washington Quarterly* 35(1): 7–25.
- CNTS. 2015.** Cross-National Time Series Data Archive Coverage – *Databank International*. URL: <http://www.databanksinternational.com/> (accessed 19.11.2015).
- Danjibo N. 2013.** The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa* 35(2): 16–34.
- Erdogan A. 2013.** From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations* 12(3): 17–31.
- Goldstone J. 2014.** *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodwin J. 2011.** Why We Were Surprised (Again) by the Arab Spring. *Swiss Political Science Review* 17(4): 452–456.
- Greene R., Kuswa K. 2012.** From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly* 42(3): 271–288.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.

- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2015a.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Gunter M. 2013.** The Kurdish Spring. *Third World Quarterly* 34(3): 441–457.
- Hoesterey J. 2013.** Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies* 47(1): 56–62.
- Korotayev A. V., Grinin L. E. 2012.** Kondratieff Waves in the World System Perspective. *Kondratieff Waves* 1: 23–64.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Yu., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution & History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring. A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff waves in global invention activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78: 1280–1284.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Kurzman C. 2012.** The Arab Uprising Uncoiled. *Mobilization. An International Journal* 17(4): 377–390.
- Lang J., De Sterck H. 2014.** The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences* 69: 12–21.
- Lavington S. 1998.** *A History of Manchester Computers.* 2 ed. Swindon: The British Computer Society.
- Litsas S. 2013.** Stranger in a Strange Land: Thucydides’ Stasis and the Arab Spring. *Digest of the Middle East Studies* 22(2): 361–376.
- Matthiesen T. 2012.** A “Saudi Spring?”: The Shi’a Protest Movement in the Eastern Province 2011–2012. *Middle East Journal* 66(4): 628–659.
- Moore E. 2012.** Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? *E-International Relations*. 02.07.2012. URL: <http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation/> (accessed 19.12.2015).
- Price J. 2001.** *Thucydides and Internal War.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Roy O. 2012.** The Islamic Counter Revolt. *New Statesman* 23(141): 27–28.
- Sinkaya B. 2015.** Implications of the Arab Spring for Iran’s Policy towards the Middle East. *Middle Eastern Studies* 6(2): 54–78.
- Transistor Radios. 1999.** *PBS Online.* URL: <http://www.pbs.org/transistor/background1/events/tradio.html> (accessed 20.11.2015).
- Volpi F. 2014.** Framing Political Revolutions in the Aftermath of the Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 19(1): 153–156.
- Weyland K. 2012.** The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics* 10(4): 917–934.
- Wilson A. 2013.** On the Margins of the Arab Spring. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* 57(2): 81–98.